

ТАТЬЯНА
МАСТРЮКОВА

ПРИОТКРЫТАЯ
ДВЕРЬ

Татьяна Мاستрюкова

Приоткрытая дверь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44874125

*Приоткрытая дверь:
ISBN 978-5-353-09351-0*

Аннотация

Что-то странное творится в старом доме, где живет Настя: сами собой пропадают вещи, хлопают двери, кто-то невидимый крадется в темноте, наводит морок, дышит затхлой сыростью в лицо, тянется длинными, тонкими пальцами к шее... Только Настя понимает – все это началось после того, как ее родная и любимая тетка вообразила себя ведьмой. Пустив по неопытности в наш мир недобрые силы, она и сама стала... кем? Это еще надо понять. Настя лихорадочно ищет способы избавиться от нечисти. Но что она может изменить, если остальные члены семьи не верят ей и не видят в происходящем ничего необычного?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	31
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	63
Глава 9	71
Глава 10	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Татьяна Мاستрюкова

Приоткрытая дверь

© ИП Новожилов Н. В., текст, 2019

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2019

Пролог

Я могла бы соврать, что так было всегда, – вся эта чертовщина. Раз уж она с самого начала не вызывает ни у кого доверия, меньше или больше вранья, особой роли не играет. Но все дело в том, что утверждение *«так было всегда»* является в моей истории единственной неправдой.

Глава 1

Старые дома всегда хранят, помимо прочих, не самые приятные воспоминания. Они могут быть связаны с алко-голиками или преступниками, то есть с людьми, которые отравляли жизнь другим. Покинув дом, они больше никак не влияли на его будущее. В нашем доме, хотя он может похва-статься возрастом, никаких особенных злодейств или драм,

достойных упоминания, не случилось.

Разве что еще до моего рождения соседи этажом выше были психически ненормальными. Самыми настоящими ненормальными, со справками. Они разводили в квартире кур, которые регулярно вываливались из открытых окон прямо на наш балкон, а с балкона благополучно планировали на тротуар и бегали еще несколько дней по газонам. Когда таким образом куры логично закончились, ненормальные соседи стали сбрасывать вниз словари. Словарей тоже было много.

Они достались ненормальным куроводам от бабушки-профессора, так что даже не пришлось разводить их самостоятельно. Но словари не умели планировать и, красиво шелестя страницами, пролетали мимо нашего балкона. К счастью, в обоих случаях никто не пострадал. Мама и моя тетя побаивались и смиренных соседских детей, и их родителей, вечно выяснявших отношения с громкими скандалами и мордобитием (что, к сожалению, присуще не только психически ненормальным). Потом эти соседи куда-то съехали, а на их место вселилась самая обычная среднестатистическая семья. Я уже помню только их. Ничем особенным они не отличаются, разве что иногда при открытых окнах слышно, как капризничает их маленький ребенок, но это-то точно абсолютно нормально.

Вот, пожалуй, и все до недавнего времени неприятности. И связаны они были исключительно с живыми людьми. И ес-

ли исчезали эти люди, то вместе с ними бесследно пропадали и все причиняемые ими неудобства.

Ничто мистическое, скандальное и сенсационное никогда не выделяло ни наш дом, ни квартиру. Раз за разом перебираю в уме исторические факты, которыми бабушка научила меня гордиться, но ничего не нахожу.

Наш дом был построен в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году. Этот факт ни о чем, кроме возраста здания, не говорит. Но мне всегда нравится блеснуть своим знанием. До революции дом принадлежал сначала статскому советнику, потом некой богатой даме, а последним единоличным владельцем значился провизор с семьей. Изначально пятиэтажный, в двадцатых годах прошлого века он внезапно получил еще один этаж, давивший на остальные этажи, из-за чего медленно, но верно они проседали. Вместе с новым этажом появился лифт, похоже, откусивший черную лестницу. Тогда же щедро раскроили квартиры, так что возле лифта оказались квартиры площадью поменьше, а также узенькая, темная лестница. Зато образовался собственный подъезд.

Темная, никогда не знавшая уборки *кишка*, липнущая к шахте лифта, не заслуживала звания лестницы и вполне могла бы зваться черным ходом, не будь она так по-настоящему черна. Я всегда воображала, что если кто-нибудь когда-нибудь решит воспользоваться этим ходом (вдруг лифт сломается) и случайно оступится, упадет и ломает себе что-нибудь жизненно важное, то найдут его не раньше чем через

неделю. Скорее всего, только по запаху.

По партийной линии (слабо понимаю, что это такое, но бабушка всегда именно так говорит) моему дедушке с маминной стороны выделили трехкомнатную квартиру – как раз во втором подъезде без лифта, практически без балконов, зато на четвертом этаже, очень просторную и, наверное, престижную.

Никому и дела не было до того, что проходящий под окнами трамвай всякий раз сотрясал весь дом до основания. Звякали бокалы в серванте, перестукивались ручки и карандаши в деревянном стаканчике на папином письменном столе, тихонько, по-комариному дребезжали оконные стекла. А так ничего.

Оба подъезда на шестом этаже соединялись длинным коридором, с дверьми по обеим сторонам. Где-то среди этих дверей прятался выход на чердак, а остальные были обычными квартирами. Но кто там живет, я не знаю. Ни разу не встречала.

На нашем этаже за общей, обитой дерматином дверью скрывался небольшой тамбур, с давних пор окрещенный *предбанником*. Так его называла бабушка, а за ней и все мы. Здесь хранились лыжи, санки, всякое хозяйственное барахло. И отсюда через две обычные, расположенные друг напротив друга двери можно было попасть в отдельные квартиры – нашу и соседскую. Двери были чисто символические, даже тоньше межкомнатных.

Я никогда не задумывалась над тем, что вся обстановка почти не изменилась с тех пор, когда мои дедушка и бабушка въехали в квартиру. Свое упрямое нежелание обновлять мебель на современную и, без сомнения, более удобную бабушка объясняла уважением к памяти покойного мужа.

– Пока я жива, – пафосно заявляла она, – здесь будет все так же, как при моем муже. Потерпите, недолго осталось. Можно же уступить мне такую малость?

Зато родительские гости восхищались: «*Антиквариат! Винтаж! Аутентично!*» Они правда считали, что это старье смотрится превосходно и оставлено специально. А может, врал, чтобы родителям не было стыдно.

В прихожей стояло огромное старинное зеркало с полкой для мелочей, на четырех резных ножках. Зеркальная поверхность кое-где покрылась темными пятнами, искривилась – ее перекосило во время войны, когда на соседней улице упала бомба. Мне это зеркало, с его неуловимой волной, искажающей отражение, всегда казалось дверью в другой мир.

Напротив зеркала – довольно узкий, но высокий и массивный шкаф для верхней одежды, вечно забитый всякой дребеденью. А в углу возле шкафа – сундук, настоящий сундук, на который можно было даже лечь, особенно если ты небольшой ребенок. Я до сих пор умещаюсь, если подожму ноги и свернусь клубочком.

От прихожей тянулся большой коридор, который мимо бабушкиной, родительской и тети-Юлиной комнат вел пря-

мо на большую кухню.

Кухонное окно, которое на моей памяти открывали всего один раз, выходило на стену соседнего дома, в образованный соприкасающимися зданиями колодец. Вид из кухни всегда вызывал у меня живой интерес хотя бы потому, что подобраться к окну было практически невозможно: пришлось бы преодолеть препятствие в виде кухонного стола и множества стоявших на подоконнике винтажных жестяных банок с надписями «Сахар» или «Крупа». Надписи, конечно, не соответствовали содержимому.

Окна, выходящие в колодец, всегда были слепыми, то есть плотно зашторенными и невыразительными. Никогда не видела, чтобы оттуда выглядывали люди, иногда даже думала, что окна просто нарисованы на стене; для симметрии или красоты – неизвестно. Вот что могу утверждать точно – с наступлением сумерек и прочей темноты окна эти никогда не загорались. Даже если представить, что они были занавешены плотными шторами, ни разу мне не удавалось уловить ни малейшего лучика света, не говоря уже о силуэтах живых существ.

Зато окна соседнего дома, расположенные чуть ниже наших, что позволяло туда заглядывать, одновременно оставаясь невидимым, всегда радовали движухой – когда-то там жил композитор, которого в тысяча девятьсот тридцать седьмом расстреляли как врага народа. А потом, по моему мнению, квартира стала настоящей общагой с какими-то непо-

нятными творческими личностями, кутившими в окно в самом расхристанном виде. Правда, они действительно иногда играли на пианино.

Глава 2

В общем, это был добропорядочный, крепкий, несмотря ни на что, дом с хорошей историей.

Было, пока моя тетка не решила, что она ведьма. Потомственная ведьма, между прочим. Правда, ни одна из моих бабушек и прабабушек на колдунью совсем не тянула. Все они, судя по воспоминаниям, имели легкий компанейский нрав и веселый характер. Но тетка, поставив себе цель, решительно пошла к ней и назначила страшным колдуном од-

ного из прапрадедов, про которого было практически ничего не известно. Даже фотографий в наших альбомах не сохранилось. Единственное, что осталось в семейной памяти, так это то, что прапрадед жил рядом с кладбищем и не одобрял выбор своего сына, то есть мою прабабушку. Вполне себе подходил для роли злого ведьмака.

Чтобы поддерживать имидж, тетя ходила только в черном и желательно балахонистом, многозначительно вертела на тонких пальцах массивные серебряные перстни и занавешивала лицо выкрашенными в черный цвет длинными волосами. Впрочем, это не мешало ей наводить марафет по часу, чем она дико бесила мою маму. Из-за этой особенности своей сестры мама научилась приводить себя в порядок за пять минут – максимальное время, которое ей удавалось урвать перед выходом на работу.

Но что тетя Юля действительно хорошо делала, так это рассказывала страшные истории.

Иногда родители оставляли меня маленькую на попечение тетки, и та давала волю фантазии. Тогда она еще училась в школе и тренировалась на мне, не отрываясь от учебного процесса, рассказывая сказки с учебниками наперевес. Колдун Пиночет, снимавший солнечные очки только при разговоре со своими оппонентами, потому что от его взгляда каменело все живое, – это были еще цветочки. Я всему верила и втайне восхищалась ею. И всегда относилась к Люле скорее как к старшей сестре, а не к тете.

Сначала мы с ней жили в одной комнате, как самые младшие, но однажды тетка перетащила мою кровать в родительскую комнату.

«Мне нужна личная жизнь», – заявила она.

Когда папа вернулся из очередной командировки, произошел весьма неприятный скандал. По итогам моя кровать во второй раз перекочевала, но теперь в бабушкину комнату, и примостилась в уголке за шкафом.

Дедушки к тому времени уже давно не было, и бабушка не стала выставлять меня вон. Сосуществовали мы с ней мирно. Большую часть времени бабушка разгадывала кроссворды и читала любовные романы, а днем, когда нас не было, придвинувшись почти вплотную к телевизору по причине плохого зрения, смотрела все подряд сериалы. Храпела, правда, она невыносимо громко, но со временем я обвыклась. А бабушка совершенно искренне удивлялась: «Да вовсе я не храплю! Вечно вы наговариваете. Ну да, бывает, что сама проснусь от храпа. Но потом-то не храплю!»

В моем углу за шкафом с незапамятных времен висел на стене ковер, его ворсейшество, – идеальное средство лишить себя сна, разглядывая узоры. Почему-то мне постоянно мерещились мерзкие рожи, поэтому я старалась побыстрее закрыть глаза.

Раньше на ковре висела гитара. Когда-то на ней играл дедушка, а потом она выполняла чисто декоративную функцию. Еще совсем маленькая, я вставала на стул и дула в ги-

тарную розетку. Раздавался завораживающий таинственный гул. Но после того как Люля сказала, что это со мной говорит дух бабушки, недовольный моим поведением, я перестала так делать. В итоге гитару забрала себе Люля, потому что внезапно решила научиться на ней играть.

Люля – это домашнее прозвище тети Юли. Когда она была маленькая, то называла себя и свою сестру – мою маму – *Люлей* и *Сандой*. То есть Юлией и Александрой.

Моя мама, как старшая дочь, с самого начала относилась к жизни трезво, после школы поступила в институт, пошла работать, вышла замуж. Правда, несмотря на все достоинства, мой папа собственной отдельной квартиры не имел, поэтому молодая семья с разрешения бабушки поселилась вместе с маминими родителями. Потом родилась я.

Тетя Юля же всегда считалась в семье натурой творческой: то писала стихи, то начинала играть на гитаре, то рисовала, то видела во всем пророческие знаки и гадала на картах Таро. Ее ни в чем не ограничивали, ни к чему не принуждали и вообще давали полную свободу действий, поэтому, наигравшись, она бросала все свои увлечения. В последнее время она вроде где-то работала фрилансером, но, как обычно, рассказывала об этом туманно и полунанеками, что позволяло время от времени стрелять деньги у бабушки и мамы.

С моим папой у тети были нейтральные отношения. Он, конечно, не упускал случая подшутить над ней и особенно припоминал брошенную тетей вскользь замечательную ре-

плику: «Я противник умственного процесса!»

Какая бы Люля ни была, приходилось считаться с тем, что она сестра жены, и действовать по принципу: «Любишь меня – люби мой зонтик».

Этой фразой, к слову, тетя Люля всегда оправдывала любые свои причуды и заскоки. «Зонтиком», таким образом, могло быть что угодно и кто угодно.

Мне с такой теткой было весело. По сравнению с ней я казалась себе скучной, ни во что не влипала, короче, пошла в своих прозаических родителей. А Люля вечно притягивала к себе всякие недоразумения.

До того как Люля начала колдовать, ничего особенного в нашей квартире не происходило. Были только бабушкины воспоминания, которые, как мне кажется, найдутся в каждой семье.

Вещий сон, который приснился бабушке перед смертью дедушки. Будто он прощается с ней и уходит за гладкую деревянную дверь без ручки. Бабушка пытается пойти следом за мужем, но тот резко останавливает ее. Предчувствуя беду, бабушка взывала к супругу и билась в закрытую дверь без ручки, которая, конечно, олицетворяла крышку гроба.

Или вот история с домовым, но это вообще из области преданий. Будто бы перед самой Второй мировой войной на нашу деревенскую родственницу, то ли бабушкину троюродную сестру, то ли какую-то тетку (даже фотографий ее у нас не было), ночью навалилась непонятная сущность и стала ду-

шить. Та еле пролепетала нужный вопрос: «К добру или к худу?» – «К худу!» – грубым мужским голосом рывкнул домовой и отпустил несчастную.

Надо ли уточнять, что все мужчины тогда были на колхозных работах и дома отсутствовали, остались только мелкие дети и пара женщин?

Знаете, что удивительнее всего? Когда произошел тот самый случай с бабушкой, о котором я расскажу дальше, про историю с домовым вспомнила только я. Сама она делала вид, что такой истории не было, и про вопрос, способный прогнать душителя, знать не знала. Впрочем, все взрослые начинали страдать провалами в памяти, если что-то из прошлого могло поколебать их картину мира.

А помнила ли об этом моя тетя Юлия, наша Люля, с которой все и началось?..

Глава 3

Мама периодически капает мне на мозги, что раз я живу в бабушкиной комнате, то должна там прибираться.

Можно подумать, я с бабушкой по своей воле живу. Ни подружек привести, ни на ночь никого из них не оставить. Я и так за всеми мою посуду, как Золушка.

Но этого я маме никогда не говорю, только бурчу невнят-

но: «Потом сделаю!»

Не рассказываю я ей и о том, как однажды без всякого принуждения в порыве вдохновения вытерла все шкатулочки и фигурки на бабушкиных полках, стараясь поставить каждую на то же самое место. Даже смахнула пыль с длинной нитки янтарных бус, всегда висевших на краю зеркала.

Кто-то сказал бабушке, что янтарь помогает при заболевании щитовидки, но лично я ни разу не видела, чтобы бабушка носила эти бусы. Я даже и не подозревала, что у нее какие-то проблемы с щитовидной железой, пока она не рассказала про лечебные свойства янтаря.

Впрочем, бабушка вообще внимательно читала всякие народные советы в разных журналах и газетах и могла внезапно лечь спать с капустным листом на лбу, уверяя, что он помогает от головной боли. При этом она никогда не забывала принять соответствующую таблетку, но лечебный эффект всегда приписывала удивительному народному средству.

Так вот, я постаралась, чтобы после моей уборки все осталось на своих местах, и волновалась, как бы бабушка не рассердилась, решив, что я копалась в ее вещах... Ладно, на самом деле я очень рассчитывала на похвалу. Но прошло несколько дней, начал постепенно накапливаться новый слой пыли, а бабушка так и не сказала мне ни слова.

– Молодец! А я и не заметила, – честно призналась она, когда наконец я прямо сказала о своем подвиге.

Если уж бабушка не обращала внимания на наличие пыли

на ее трюмо и статуэтках, то почему это должно как-то волновать меня? Уроки я все равно делаю в родительской комнате, а там после себя всегда прибираюсь. Раз в неделю.

Но маме, конечно, я ничего не сказала. Зачем лишний раз нарываться?

Вот что я никогда не делала, так это не соглашалась ехать с родителями к их приятелям на дачу. Своей дачи у нас никогда не было. В моем глубоком детстве бабушка снимала за символические деньги у приятельницы «сараяшку», и это действительно был самый настоящий сарайчик с тумбочкой и кроватью внутри. Там даже электричества не было. Что заставляло бабушку так экономить, не знаю, но ее приятельница жила на том же участке в двухэтажном дачном доме, большую часть которого сдавала на лето. Поскольку я была слишком мелкой, я не задавалась лишними вопросами. Но потом сараяшка канула в Лету, может быть, даже сгорела. И начались бесконечные съемные дачи. Но на взрослые дачные выходные я категорически отказывалась ездить: неизменный шашлык, который я терпеть не могу, скучные разговоры, потом выпивка и идиотские танцы или караоке. Хуже всего, в этих компаниях я была единственным ребенком, поэтому, получив право голоса, стала наотрез отказываться от поездок, предпочитая все выходные сидеть в городе.

Тетя Люля с моими родителями никогда не ездила, на съемные дачи приезжала только для того, чтобы весь день жариться на солнце, ничего больше не делая. Поэтому, ко-

гда мой папа поставил ей ультиматум – либо плати аренду наравне со всеми, либо помогай по дому и на участке, она вообще перестала вместе с нами отдыхать. Впрочем, летом она регулярно исчезала на несколько дней или недель, тусовалась где-то со своими подружками и приятелями. Поклонников у Люли всегда было много, так что проблем с времяпрепровождением не возникало.

Теперь, думая о том, что произошло, я понимаю, что и моя вина здесь есть, как это ни обидно. Если бы я тогда отказалась, возможно, ничего и не случилось бы. Или если уж этому было суждено произойти, то, по крайней мере, отодвинулось бы на неопределенный срок. Но мне было немного завидно, что Люля такая особенная, с необычными идеями, а я какая-то скучная и неинтересная. Поэтому я всегда соглашалась с ней, особенно если родители не успевали обо всем узнать и удержать меня от выполнения Люлиных задумок.

Тетя Юля была мне как подружка, особенно после того, как уехала Лиза. Мы учились с Лизой в одном классе, и к тому же она жила в нашем дворе. Поэтому я часто торчала у Лизки допоздна. Однажды меня мама даже потеряла и пришла сама забирать – мы так заигрались, что про телефоны забыли.

Но потом Лизин папа получил работу в Испании и всю семью туда перевез. Первое время Лиза скучала так же сильно, как я, переписывались до полуночи. Но постепенно она втянулась в местную жизнь и даже завела какого-то бойфренда.

Серьезно, в тринадцать лет! Поставила статус «в отношениях» и свела общение с бывшими соотечественниками к минимуму. Половина девчонок из нашего класса ей дико завидовала. А я... по-разному. Лиза была прикольная. Она нигде не терялась. И мне ее не хватало...

В этом году я сдружилась с Полиной, часто после школы зависала у нее. У Польки была своя комната, а мама приходила поздно, так что вся квартира была в ее распоряжении. Иногда меня раздражало Полинино поведение и ее довольно откровенное желание найти себе парня, но я ведь тоже не идеал. Так близко, как с Лизой, мы с Полей друг другу не открывались, но... Дома-то у меня особо не уединишься, гостей не пригласишь. И даже когда никого нет, все равно противное ощущение, что я занимаю чужую комнату, где надо соблюдать определенные правила, и это все портит.

Неприятно признавать, но, получается, я Полину использовала.

Так вот, родители уехали к приятелям на дачу, и мы остались с бабушкой и Люлей в квартире вдвоем. Я в таких случаях всегда перебиралась в родительскую комнату и наслаждалась некоторой свободой: могла смотреть сериалы до утра, зависать в чатах или читать, не боясь бабушкиных замечаний. Она, правда, все равно проверяла меня перед сном, и я врала, что тоже ложусь.

Тетя Люля уже несколько дней ходила сама не своя, таинственно уклоняясь от расспросов и бросая загадочные ре-

плики типа: «Ни один китаец не стал бы жить в нашей квартире! По-китайски звучание иероглифа, обозначающего число четыре, и иероглифа, обозначающего смерть, идентично – *сы*. У нас же сплошные четверки: дом номер тринадцать, а один плюс три – четверка; четвертый этаж; квартира двадцать два – тоже в сумме четыре».

– Стопроцентная математическая *сса*, – сострил папа на счет иероглифа, за что тетя Юля обдала его ледяным холодом.

Так что, стоило только моим родителям закрыть дверь и отчалить, тетя немедленно потащила меня на кухню и изложила невероятный план. Оказывается, она собралась вызвать духа моего прапрадеда, колдуна, по ее утверждению. По Люлиным словам, детали спиритического ритуала она увидела во время медитации, а подробности уточнила в эзотерических книгах, которые в свое время по просьбе младшей дочери бабушка закупила в каких-то прямо промышленных масштабах. Правда, для удачного сеанса надо было либо знать настоящее полное имя, либо иметь фотографию или какую-то личную вещь человека, чей дух собираешься вызывать. Ничего из перечисленного у нас не было, но тетку это не остановило.

– У меня достаточно силы, чтобы одной мыслью призвать того, кого надо. В конце концов, мы же его кровные потомки, он обязан нас услышать и помочь! Мы сами по себе овещствление нашего предка, – убедительно сдвигала брови

Люля, и я ей верила. – Я могла бы вызвать его сама, уже давно, но без тебя было бы не то. Без тебя, Настя, никак не обойтись. Подростки очень восприимчивы к потустороннему. Ты как чистый лист, понимаешь, на котором высшие силы могут писать свои послания. Даже оракулы в Древней Греции привлекали к своим предсказаниям невинных детей, чтобы их устами говорили духи.

– Что-то я не хочу, чтобы какой-то там дух говорил моими устами, – напряглась я, подкованная фильмами ужасов. – А если он потом из меня не захочет убраться и будет все время моими устами говорить?

– Нет, ты не поняла. Никто в тебя входить не будет, я позабочусь об этом. Поставлю защиту. И мы в любой момент можем все прекратить. Ты просто должна присутствовать и смотреть в чашу...

– А у тебя есть спиритическая чаша?

– Ой, это детали. Чашей может быть что угодно, что угодно!

– Даже унитаз? – не удержалась я.

Но тетка нахмурилась, мол, не время шутить.

Оказывается, тетя Юля уже все спланировала. Спиритический сеанс она собиралась проводить в родительской комнате, потому что ее комната слишком защищена от всяких потусторонних сил и невозможно всю эту защиту убрать даже временно. В бабушкиной комнате тоже нельзя, к тому же она ничего не должна знать. А комнату моих родителей по-

сле всех магических манипуляций Люля обещала потом «почистить» (не буквально, конечно, а энергетически) и тоже набить всякими оберегами. Тогда мне не пришло в голову спросить, почему бы нашей великой колдунье сразу не поставить обереги по всей квартире, хотя бы в комнате своей матери. Но моя тетя была чертовски убедительна, а уж выглядела при этом так эффектно – настоящая чародейка! И меня даже не напрягло, что в комнате родителей после вызова духа буду спать я, в то время как Люля отправится в свою защищенную обитель.

Для ритуала необходимы были чаша с водой, свечи, мел, ладан и какие-то травы. Роль сосуда, куда я должна была смотреть, играла большая белая салатница из родительского сервиза. Думаю, маме это не очень понравилось бы, но мы заранее договорились с Люлей, что моим родителям ничего не скажем. Разве что потом.

– Санда ничего не заметит, – уверила Юля. – А салатницу я отмою святой водой.

Я тогда не знала, что для подобных ритуалов посуда берется совершенно новая и в конце, после манипуляций, выбрасывается на помойку. Это я уже потом прочитала в интернете. Но таких салатниц у нас было несколько, и я точно не помнила, какую из них надо выбросить, поэтому понадеялась на святую воду. И маме ничего не сказала.

Большие хозяйственные свечи дала бабушка из своих запасов, почему-то именно меня предупредив, чтобы мы со-

блюдали пожарную безопасность. Свечи когда-то были белыми, но от времени пожелтели. Тетя сообщила, что вообще-то для спиритического сеанса нужны черные, но мы же вызываем своего прапрадеда, а не какого-то неизвестного или злого духа. Потом, правда, Юля проговорила, что черные свечи показались ей неоправданно дорогими, за дешевыми же нужно было далеко ехать, а для настоящей колдуньи не обязательно точно соблюдать все детали, можно использовать все, что есть под рукой, и это сработает. Главное – желание и сила.

– Знание приходит само собой, вдруг возникает в голове. Конечно, не ко всякому приходит, и делиться своими знаниями и наработками надо только с избранными. Заклинание я тебе тоже не скажу, на всякий случай. Это моя личная наработка, – предупредила она меня. – Я буду проговаривать его про себя, а ты сосредоточься и своими словами призывай, как считаешь нужным.

Из чего я сделала вывод, что и закливание претерпело значительные изменения. Впрочем, это было очень похоже на Люлю. Она никогда особо не заморачивалась и свою лень ловко маскировала какими-то убедительными обстоятельствами. Я всегда в этом плане ей завидовала. Мне вдохновенное вранье, особенно родителям, давалось с трудом, и потом было стыдно. Люля всегда надо мной подсмеивалась, упрекая в излишней серьезности. Мол, нельзя быть такой занудой в таком юном возрасте. А вот папа называет это не за-

удством, а инстинктом самосохранения.

Но тетя Юля была настолько уверена в себе, что и я в ней уверилась. Ведь это было так интересно, так необычно!

Отправив бабушку спать (она что-то подозревала и долго еще заходила будто бы невзначай, чтобы проверить нас), мы занялись подготовкой к ритуалу вызова духа прапрадедушки. Вернее, это моя тетя занималась, а я была у нее на побегушках. Закрывала дверь, заговаривала зубы бабушке, приносила и уносила необходимые ингредиенты.

Отодвинув с середины родительской комнаты стол, Люля начертила прямо на паркете мелом два круга – маленький, в который набросала какой-то пахучей сушеной травы и поставила салатницу с холодной водой из-под крана, и вокруг него большой, в котором должны были сидеть мы с ней. Мне это напомнило гоголевского «Вия», и я невольно вздрогнула, надеясь, что ничего подобного с нами не случится. Одну свечу тетя прилепила прямо на паркете рядом с салатницей, то есть созерцательной чашей, а остальные двенадцать расставила по периметру большого круга.

– Что бы ты ни увидела, не дергайся, а не то свечи упадут, и защита будет нарушена! – предупредила Люля.

– Или будет пожар, – пробормотала я.

– Не будет! Зальем водой из чаши, – отмахнулась тетя с досадой. Я с сомнением покосилась на салатницу, но промолчала.

Юля колебалась, рисовать или не рисовать перевернутую

пятиконечную звезду, потому что точно не могла определить, в каком ракурсе она будет перевернута. Вроде бы лучи звезды должны указывать на определенные стороны света, но ни Юля, ни я не могли их установить без компаса. Поэтому наша колдунья снова положила на свои сакральные интуитивные знания и начертила вместо звезды какие-то символы, тоже, по ее словам, подходящие. Ни до, ни после я таких закорючек нигде не видела.

– Отключи все телефоны и погаси свет, – распорядилась она. – Будем ждать полуночи. Ты минут за пять зажжешь свечи, обязательно вот этими вот спичками. Потом сядь и внимательно смотри в чашу.

– Что я там должна увидеть? – поинтересовалась я.

– Ш-ш-ш, не отвлекайся. Сама должна понять. – Люля подожгла веточку сухостоя, окурила нас его дымом (не очень-то приятным), аккуратно пальцами затушила, подумала и кинула обратно в малый круг.

Рядом с нами на полу стоял металлический круглый механический будильник, оставшийся еще со времен маминого детства. Нарисованная на циферблате белая кошечка в такт секундам туда-сюда водила глазами. В отличие от электронных часов этот будильник еще ни разу никого не подводил. Мы настолько привыкли к его равномерному тиканью, что почти не замечали его, как не обращали внимания на грохот трамвая за окном, который непременно сопровождался пошвыкиванием посуды в шкафах.

В почти полной темноте (не считая крошечного ночничка на батарейках) мы сидели и ждали. Люля напускала на себя все более таинственный вид, избегая встречаться со мной глазами. Я следила за кошечкой на будильнике, но равномерное тиканье не гипнотизировало, а, наоборот, неприятно возбуждало. Постепенно начали стихать звуки, даже бабушка не храпела. А может, она, почуяв недоброе, не спала и сидела, прислушиваясь, в своей комнате?

По спине пару раз пробежали мурашки. Интересно, что чувствовала тетя Юля? Я попыталась заговорить с ней, но она жестом приказала мне молчать, а потом вообще закрыла глаза. Можно было подумать, что она дремлет, но раздувающиеся, будто тетя принюхивается, крылья носа говорили об обратном.

За пять минут до полуночи тетя открыла глаза и кивнула мне, и я быстренько, чиркая спичками, зажгла свечи. Потом мы устроились в большом круге друг напротив друга и уставились в чашу с водой.

Пламя свечей чуть колебалось, отбрасывая причудливые тени. Я сначала, немного заскучав, отвлеклась и начала приглядываться к ним, пытаясь угадать знакомые очертания, но потом воображение стало рисовать настолько жуткие образы, что я предпочла отвести глаза и снова сосредоточиться на чаше.

Глава 4

И вдруг я его увидела! Только что в салатнице ничего не было – обычные блики на белой поверхности. Но сейчас там совершенно явственно вырисовывался силуэт высокого широкоплечего мужчины с непокрытой головой, одетого, как мне показалось, в военную шинель. Ни разу я не слышала, чтобы кто-то из прапрадедов был военным или погиб на вой-

не.

Я хотела поделиться своими наблюдениями с Лю-лей, но, взглянув на нее, обнаружила, что побледневшая тетка тарасится в чашу испуганно и изумленно. Похоже, она сама не ожидала такого эффекта, не ожидала, что ее *личный* ритуал сработает.

На этот раз она меня не разыгрывала. Скорее всего, вообще забыла обо мне.

Это было настолько неожиданно и оттого страшно, что у меня, как от холода, поднялись дыбом волоски на руках, а по спине прошла ледяная волна.

Я пару раз сильно моргнула и снова уставилась в салатницу. Нет, мне не показалось. Там действительно был мужской силуэт. Если раньше он смотрел прямо, то теперь будто повернул голову в сторону тети Юли. Профиль его был нечеткий, колеблющийся, разобрать черты лица невозможно. Почему-то это особенно пугало. Было ли лицо угрожающим? Или спокойным? Или сожалеющим?

«Наверняка это просто свечки колеблются», – призвала я себе на подмогу остатки скучного разума и смело посмотрела на совсем недавно взволновавшие мое воображение тени от пламени свечей.

Вот только теперь они совсем не колыхались, не плясали. Как такое может быть? Как же тогда видение в салатнице вертит головой, как бы смешно это ни звучало?

– Уходит! – вдруг вырвалось у Люли.

Голос был хриплым, непохожим на ее обычный.

Действительно, мужской силуэт в чаше развернулся и вроде бы начал уходить, но Юлин окрик остановил его... Как это вообще можно было понять всего лишь по размытому силуэту в воде?! Но он действительно обернулся через плечо и посмотрел в тетину сторону.

Мы замерли, едва дыша. Он не двигался, смотрел.

Внезапно раздался громкий треск – одна из свечей вспыхнула, пожирая попавшую в пламя пылинку или что там могло быть. Мы непроизвольно синхронно вздрогнули и одновременно нервно рассмеялись, обнаружив причину.

Был ли это отвлекающий маневр? Может быть, нам стоило молчать, молчать и просто смотреть? Во всяком случае, в салатнице больше ничего не отразалось. Можно, конечно, было предположить, что все дело в сгоревших свечах. И нашем больном воображении.

Но разве можно, не сговариваясь, увидеть в таком зыбком расплывчатом отражении одно и то же?

– Он ушел или остался? – шепотом спросила я, оглядываясь.

Комната была все та же, такая же, как обычно.

Тетя Юля промолчала. Она явно придумывала подходящий ответ, выставляющий ее в лучшем свете. Как всегда.

– Конечно ушел, – наконец твердо прошептала она. Я хотела спросить про шинель, но не успела, потому что тетя продолжила, постепенно переходя на нормальный голос: – Мо-

жет, это была не шинель, а халат. Но это точно был наш прапрадед.

– Я не говорила про шинель...

– Разве? – рассеянно переспросила Люля и тут же повеселела. – Включай свет! Как я и говорила, все получилось!

Она болтала и болтала, наблюдая, как я задуваю свечи и быстренько хлопаю по клавише выключателя. В этой болтовне явственно слышалось облегчение.

Опять стало слышно тиканье будильника с кошечкой. Где-то на улице громко выругался какой-то пьяница.

– Представляешь, Настя, мы с тобой из всей семьи единственные, кто видел его! Можешь мной гордиться.

И все-таки глаза у тетки были тревожные. Подхватив салатницу, она легко перепрыгнула через круг из потушенных свечей и протанцевала на кухню. Хотелось верить, что отмыть *чашу* святой водой.

Ко мне опять вернулось противное ощущение реальности. В глаза бросился испорченный расплавленным свечным воском паркет. Неотвратимость наказания сразу пересилила все страхи.

Глава 5

Остаток ночи прошел без происшествий, хотя периодически мучила мысль о закапанном вечами паркете. Она преследовала меня даже во сне. Будто сидим мы с теткой в свечном круге, вдруг тихонько открывается дверь, и в комнату крадучись, едва слышно ступая, заходит папа. Он ничего не говорит, но я вижу, как искажается гневом его лицо. Лучше бы он наорал и сразу успокоился, как обычно. Но папа так же молча пятится и уходит, прикрыв за собой дверь, остав-

ляя меня с ухмыляющейся Люлей. И на душе неприятный осадок – стыдно.

Вообще странно, конечно, что я так испугалась родного отца. Он никогда не был сторонником физических наказаний, срывался очень редко, но и тогда лишь сильно кричал и делал злое лицо (пугалась только бабушка, которая обзывала его маньяком). Обычно все заканчивалось лишением меня смартфона на две недели (взамен выдавался кнопочный телефон, старенький).

Вот так, испорченный паркет волновал меня гораздо больше, чем непонятно как проявившийся дух прапрадеда. Про деда-то мало что было известно, а про паркет родители хвастались, что он из ценного дерева и не менялся со времен заселения, хотя кое-где рассохся и покоробился, да и скрипел невероятно под ногами. Конечно, тетя Люля беспечно отмахнулась и велела мне не заморачиваться, но я-то отлично знала, *кого* вздуют за эти восковые пятна.

Поэтому утром я первым делом с помощью канцелярского ножа отскребла, как сумела, все следы нашего неудачного, как мне тогда казалось, спиритического сеанса. Если приглядеться и точно знать, куда смотреть, то кое-где воск все же остался. Но в целом результат меня удовлетворил. А по царапинам от ножа я старательно прошлась ластиком, так что теперь оттертые паркетины выделялись своей подозрительной чистотой.

Чтобы скрыть этот слишком сияющий паркетный остро-

вок, пришлось даже помыть пол в родительской комнате, к сильному удивлению бабушки, заставшей меня за этим занятием. Была бы здесь мама, непременно заставила бы вымыть полы во всей квартире, раз уж начала. Но бабушка никогда меня не заставляла ничего по дому делать. Она своих-то дочерей не могла как следует приструнить.

Бабушка только спросила, не прокрадывалась ли я сейчас к ней в комнату, и добавила, что она действительно испугалась и больше не надо так.

Но я не прокрадывалась.

Люля, проснувшись, как всегда, ближе к полудню, пришла посмотреть на мои труды и со свойственной ей язвительностью оценила их на четверочку с минусом. Мне сразу захотелось ее чем-нибудь пристукнуть.

Целый день бабушка упрекала меня за дурацкие шуточки. Будто бы я крадусь за ней едва слышно, а потом прячусь. С трудом мне удалось убедить ее, что у меня есть занятия поинтереснее, чем ходить за ней следом и пугать ее, как малый ребенок.

Пользуясь отсутствием моих родителей, Люля пригласила к себе очередного «постоянного» своего поклонника. Не то чтобы мои папа с мамой как-то мешали ей устраивать личную жизнь, разве что иногда беззлобно шутили над ее ухажерами, но тетя Юля все равно предпочитала принимать гостей без лишних родственников в квартире. Я так и не могла понять, чего она стеснялась сильнее – показывать обожате-

лям сестру с зятем или показывать нам своих обожателей.

Я лично ничего не имела против отдельных тетя-Юлиных молодых людей. Поодиночке они вели себя очень скромно и уважительно даже по отношению ко мне. Норовили помочь бабушке, сыпали комплиментами, робко шутили со мной. То есть пытались через нас добиться Люлиного расположения и заработать себе дополнительные очки.

Когда же собиралась компания теткиных приятелей, то они всем скопом, вне зависимости от пола и возраста, вели себя шумно и развязно, постоянно гремели бутылками, дымили на кухне и занимали туалет. Громко слушали странную музыку с заумными текстами, которая мне совершенно не нравилась, и при этом спорили, пытаясь переорать ее.

Бабушка почему-то относилась к ним снисходительно, а вот папа с мамой гоняли эти сборища только так.

Самое противное было, когда теткиным приятелям взбрело в голову пригласить меня в свою компанию и начать учить жизни. Все они, несмотря на то что были не сильно старше, чувствовали себя умудренными опытом и точно знали, что мне, как представителю подростков, нравится исключительно одно говно. Если у нас вдруг совпадали вкусы или мнение по какому-то вопросу, то это, по их мнению, была просто случайность или же их благотворное влияние. Было обидно, снисходительный тон дико выбешивал, так что после пары раз я просто перестала откликаться на любые, даже самые заманчивые приглашения в их тесный круг, за что

прослыла неформалом и букой.

К сожалению, тетя Юля никак меня не защищала и даже получала, похоже, удовольствие, что выглядит на моем фоне жутко умной и интересной. В обычной нашей домашней жизни она такой вредной не была. Выпендриваться было не перед кем.

Так что, когда пришел всего лишь один Алексей, я была довольна.

Он, кажется, учился на актерском и заодно где-то подрабатывал. По мнению тети Юли, Алексей был слишком приличным, и известность ему не грозила, раз уж до сих пор он даже блога в Инстаграме не завел. Зато он всегда приходил с цветами и готовой едой, за что мы с бабушкой за глаза прозвали его «кормилец наш». Еда всегда была кстати, учитывая нелюбовь Люли к готовке.

Когда я зашла на кухню налить себе чаю, там уже сидел за накрытым столом *кормилец наш* и пялился куда-то в угол коридора. При виде меня он как-то неловко изобразил веселье.

– Какой занятный у вас кот. – Люлин поклонник кивнул в коридор.

– Кот? – переспросила я, не особо интересуясь.

– Или кошка. Я сначала решил, что у нее человеческое лицо. Как у старичка, знаешь. У гнома.

Я хотела было поинтересоваться в шутку, не наркоман ли он, но не стала.

– В подъезде видел? – вместо этого спросила я просто из

вежливости.

– Да нет, у вас же. Буквально перед тобой прошмыгнула в комнату.

– Вообще-то у нас нет домашних животных.

На лице Алексея отразилось беспокойство.

– Странно. Я точно видел. Серенькая такая, небольшая. Лицо прям как человеческое, но вроде кошка... Ерунда какая-то...

Он словно не мог поверить тому, что видел, пытался призвать меня в свидетели. Браво, Алексей, отличная актерская профессиональная игра!

– Бывает, – как можно равнодушнее кинула я, демонстративно хлебнула свой чай, цапнула со стола тарелку с бутербродами и ушла с кухни.

И этот туда же, хочет из меня дурочку сделать. Не выйдет!

Забравшись в кровать с маминым планшетом (она разрешала пользоваться им для школьных дел, но никогда не проверяла) и выключив свет, чтобы бабушка не доставала нотациями, я с удовольствием принялась смотреть сериал, про который в нашем классе мне прожужжали все уши. Так что я, можно сказать, занималась именно школьными делами.

Но я успела посмотреть всего две серии, как начал совершенно безбожно скакать интернет. То зависал, то еле-еле теплился, то вообще пропадал напрочь. Раньше у нас такого не бывало, чтобы сеть совершенно не работала.

Следовало, конечно, пойти перезагрузить роутер, но вы-

лезать из теплой кровати совершенно не хотелось, поэтому я просто прекратила киносеанс и завалилась спать.

Глава 6

Кажется, мне уже снились сны, когда на кровать что-то упало. Я вздрогнула, просыпаясь, и обнаружила, что не упало, а село.

Села.

Люля сидела в ногах кровати и молча смотрела на меня. Дверь в коридор была открыта, там горел свет.

– Что такое? – недовольно спросила я, приподнимаясь на локте. – Сколько времени?

– Где-то час ночи. Спи, спи спокойно. – Тетя заботливо поправила мне одеяло.

Очень мило, сначала разбудить, а потом уговаривать спокойно заснуть!

– Все в порядке, все в порядке. Спи спокойно, – вдруг послышался из коридора тихий мужской голос.

Вот этого я никак не ожидала!

Вытаращилась на дверь, а там, похоже, Алексей! На ночь остался!

Раньше я не замечала, какой он, оказывается, высокий. Потолки у нас под три метра, а Алексей занимал полностью дверной проем, загораживая почти весь свет из коридора, из-за чего казался только черным силуэтом в рамке двери. Еще больший объем Алексею придавал длинный халат, который он на себя напялил. Я такого не припоминала у нас. С собой, что ли, принес?

Удивительно!

– Да и так все в порядке, блин! – возмутилась я окончательно. – Идите давайте, спать не мешайте!

Поскольку Алексей не уходил, рукой ему помахала: мол, катись. Что за манеры?

Люля тоже повернулась к *кормильцу нашему*, а потом опять ко мне и очень странно на меня посмотрела.

– Все, идите уже! Я спать хочу!

Демонстративно завернувшись в одеяло, я даже немного всхрапнула, прямо как бабушка.

Тетя Юля еще немного посидела со мной, потом вздохнула и вышла.

Алексей так и стоял, загораживая проход, и я даже думала, что не выпустит Люлю, но он все же отступил куда-то в сторону, и дверь закрылась.

– Странные! – Я пожала плечами и быстро отрубилась.

Утром, когда я встала, из бабушкиной комнаты раздавались преувеличенно бодрые голоса ведущих очередного ток-шоу. На кухне звякала посуда.

Старинная тяжелая бронзовая люстра с витыми лапами, с растительным орнаментом, с четырьмя круглыми матовыми плафонами висела на надежном железном крюке ровно посередине потолка в гостиной. Совсем в детстве мне представлялось, что этот крюк сняли с башенного крана, настолько он внушительно и надежно выглядел (да и являлся таковым). Даже когда соседи сверху устраивали пляски, как рассказывала мама, тряслось все, кроме люстры. Ну и трамвай тоже никак на нее не действовал.

И вот теперь этот символ надежности тихонько поворачивался по кругу, словно ярмарочная карусель. Полный оборот медленно по часовой стрелке, пауза и следующий оборот против часовой стрелки.

Я смотрела на люстру как замороженная. Сначала даже показалось, что это у меня голова кружится, ведь такого никак

не могло быть! Я еще поняла бы, если бы был сильный сквозняк. В конце концов, ничто не вечно. Поток воздуха вполне мог вертеть люстру. Одно только *но* – никакого сквозняка я не ощущала.

А потом в какой-то момент люстра вновь неизбежно застыла.

Наверняка мне все привиделось. Просто не могло быть иначе, правда?

Помня, что Алексей остался на ночь, а значит, в пижаме не разгуляешься, я быстренько переоделась и пошла выяснять отношения. Люля на кухне, бездумно таращась на стену, пила кофе.

– Что это было? – едва поздоровавшись, требовательно спросила я тетку.

– Что? – томно проговорила она.

– Вы зачем оба приперлись? Ночью? Совершенно не стоило этого делать.

– Почему оба?

– Это у тебя надо спросить почему. Вы что, поссорились?

– Не понимаю тебя. Кто с кем приперся и кто с кем поссорился? – Тетка даже чашку отставила.

– Да с Алексеем же твоим! Меня зачем в это вмешивать? Зачетный у него халат, кстати.

Тетя Юля посмотрела на меня как на идиотку. Криво улыбнулась.

– Вообще тебя не понимаю. Какой халат? Ни с кем я не

ссорилаь.

– А ночью... Разве он ушел?

– Настя, Алексей вчера поехал к себе домой или куда там еще. Я не интересовалась. А ты ночью кричала, маму звала. Бабушка, конечно, ничего не слышит, вот я тебя и побежала спасать. Разбудила меня криками своими. Я тебя успокоила и дальше пошла досыпать. Никого не было, кроме нас троих. Ни Алексеев, ни Андреев, ни Александров. Только мы. И на крики твои пришла я одна.

– Ничего я не кричала...

– Рассказывай кому другому, – хмыкнула Люля и снова принялась смаковать свой кофе. Потом бросила на меня быстрый непонятный взгляд и, заметив, что я слежу за ней, добавила: – Насмотрелась своих ужастиков на ночь... Все Санде расскажу про тебя!

И закрылась чашкой, чтобы я не заметила ехидную ухмылочку. Что тут смешного?

Постояв, я пошла в ванную и, умываясь ледяной водой, никак не могла понять, как можно не заметить огромного мужика, который перекрывал собой свет. Да она же почти врезалась в него! Он же разговаривал!

И сон мне снился нормальный, не страшный...

Когда я выбралась из ванной, Люля с бабушкой обсуждали ночное происшествие. Тетя, разумеется, не могла не развить тему с моими галлюцинациями. Я быстренько вмешалась, сообщив свою версию событий. И потребовала объяс-

нить, что за мужчина был у нас ночью. Но Люля не видела его, не слышала и даже не почувствовала. Хотя потом, спустя время, принялась рассказывать, будто бы тогда внезапно ощутила пристальный взгляд в спину, холод и мурашки по спине. Лично я никакого холода и мурашек не помню, и страха тоже, потому что вся сцена была абсолютно обыденной, даже в голову не могло прийти, что тут что-то не так.

– Домовой! – вынесла вердикт бабушка, у которой иногда случались приступы мистицизма (понятно, в кого младшая дочь пошла).

Мы с Люлей переглянулись. Что-то не было до этого у нас никаких домовых.

– Это он к тебе добрый, Настюшка, потому что ты полы помыла. – Бабушка, как всегда, в любой ситуации искала положительные моменты. Но она тут же переключилась на насущное: – Люлечка, жаль, что Алеша ушел. У меня с телевизором что-то случилось, вот бы он посмотрел.

Тетя Юля терпеть не могла, когда кто-то загружал своими проблемами ее или ее приятелей. Так могла поступать только она сама, и исключений не было. Поэтому вместо интересных для меня обсуждений ночного происшествия Люля пустилась в препирательства с матерью.

– С какой стати Алексей должен разбираться в твоём телевизоре? Приедет Павел, все тебе починит. Это его прямая обязанность!

Павел – это мой папа. Дальше я слушать не стала и ушла,

для надежности отгородившись от них наушниками с музыкой.

К слову, вечерние проблемы со связью никуда не делись, и страдала не только бабушка с телевизором. Домашний интернет постоянно прыгал, а качал с такой черепашьей скоростью, что я так и осталась без сериалов и роликов.

Тете Юле было фиолетово, работает интернет или нет. Иногда она относилась к нему пренебрежительно, иногда считала главным врагом человечества. В какой-то момент она вдруг начала наводить порчу по фотографии. Или все же лечить? Не помню точно, зато помню, как она активно принялась удаляться из социальных сетей, закрывать доступ к своим профилям и стирать все фотографии со своим лицом. Впрочем, к приятелям-друзьям и родственникам это никак не относилось. Иначе кто бы восхищался Люлиным видом настоящей ведьмы?

С фотографиями – и цифровыми, и бумажными – вообще была особенная суета. Какой-то особой иглой, отобранной у бабушки и подвешенной на особую шерстяную нитку, тетка колдовала над снимками, пытаясь узнать прошлое и будущее.

Обнаружилось, что через фотографию можно украсть душу, поэтому Люля категорически запретила мне выкладывать наши физиономии в Инстаграм и даже отругала за какой-то фильтр, где можно было старить свое лицо.

Я посмеялась, вспомнив, что в «Симпсонах» была такая

серия, про кражу души через фотографию, они там еще еретика на костре сжигали. Но тетя Юля совершенно серьезно прервала меня:

– «Симпсоны» – это, конечно, прекрасно, но есть исследование ученых, которые смогли считать ауру с изображения человека и даже изменить ее!

– Британские ученые, конечно? – напрасно пыталась я превратить все в шутку.

Но Люля, уже переманившая на свою сторону бабушку, не унималась. Мама после разговора со своей младшей сестрой просто запретила мне выкладывать фотографии с собственным изображением в интернет, но объяснила это безопасностью.

– Вот будет тебе восемнадцать, тогда и делай что хочешь. Как я! – обычная Люлина присказка в ответ на все подряд. Она думает, что это отличное утешение.

Обиднее всего, что они хором принялись запрещать мне выкладывать свои фотки, хотя отлично знали, что я и раньше не выкладывала и сниматься не люблю, поскольку в какой-то момент увидела, что стала совершенно нефотогеничной. Даже из чувства противоречия, назло, я не смогла найти ни одного приличного снимка...

Глава 7

– Настя! – Папин голос не предвещал ничего хорошего. – Я тороплюсь! Ты куда убрала мой галстук?

– Пап, я не брала ничего. Какой галстук? – заглянула я в родительскую комнату.

Папа стоял у раскрытого шкафа, уже совсем готовый к выходу, но сильно рассерженный.

– Я его повесил вот сюда! – Папа с силой хлопнул по спинке стула, так что тот затрещал. – Пять минут назад! Я опаз-

дываю, это совсем не смешно!

Не мешкая я позвала маму. Даже не обиделась, что в краже галстука папа решил обвинить именно меня.

Я не знаю, какая тут работает магия, но мама всегда находит наши пропавшие вещи. Ты можешь два часа перетряхивать шкаф в поисках нужной футболки, а мама приходит и просто, даже не глядя, находит ее именно там, где ты больше всего рылась, и спрашивает: «Вот эту ищешь?»

Но сейчас это не сработало. Мама, слегка обескураженная, предложила:

– Может, наденешь другой галстук?

– Да почему я должен надевать другой, если я выбрал именно этот и положил его на спинку вот этого вот проклятого стула! – бушевал папа. – Проклятье! Я уже даже под диван лазил, нет нигде! Как провалился!

Я тоже полезла под диван, и под шкаф, и под стол, проверила в ванной в корзине с грязным бельем, пока мама срочно подбирала папе другой галстук взамен пропавшего.

Идиотская ситуация. Галстука нигде не было. Папа вообще очень аккуратно относился к своим вещам, гораздо внимательнее, чем, например, мы с мамой. Но больше всего папу расстроило, что он в своих собственных глазах выглядел идиотом. Ведь специально заранее достал этот дурацкий галстук.

Мы только удивленно переглядывались. Бабушка даже у себя в шкафу порылась – ну мало ли...

Уже умчался на работу все еще раздраженный папа, ушла мама, завозилась разбуженная нашей суетой тетя Юля. Я перед уходом в школу заглянула в родительскую комнату и остолбенела. На спинке стула, который только чудом не развалился от папиных яростных перетряхиваний, висел аккуратно выглаженный галстук. Очевидно, на том самом месте, куда его повесил папа.

Я даже подошла потрогать его. Нет, не показалось. Галстук тот самый. Один из папиных любимых.

Позвала бабушку, которая долго ахала и всплескивала руками. Сфотографировала на телефон и отправила маме (папу решила не нервировать лишний раз). Мама даже перезвонила, настолько это было из ряда вон выходящее событие.

– Мистика какая-то! – раз пять повторила она. – Надо все вещи теперь, как в магазине, чипами увешать!

Но это, как потом выяснилось, были еще цветочки...

С родителями ничего особенного не случилось, и к паранормальщине и «барабашкам», как говорила мама, они всегда относились скептически.

«Пока я своими глазами не увижу и не потрогаю, не поверю!» – заявлял папа.

По его мнению, бывали только случайные совпадения и психически неуравновешенные люди. Мама из всего необычного могла припомнить только свою работу в отделе книгохранения одной крупной библиотеки. Она там проходила практику, когда училась в школе.

– Основное библиотечное здание расположено в старинном особняке с подвалами, лестничные перила – с грифонами. Все знали, что там водится призрак тетки Достоевского, ну, дом когда-то раньше ей принадлежал. Но она мирная, говорят, была. Появлялась только поздно вечером на одной из главных лестниц. Может, шла к себе в опочивальню или куда там еще. И библиотекарей не трогала. Даже некоторые припозднившиеся читатели ее видели, думали, что костюмированное представление. Или ничего не думали, потому что мало ли какие библиотекари бывают. Зато шаловливых детишек видели только ночные коменданты. В основном-то призраки только их и доставали. Но тетку коменданты не боялись – чего мирную бояться? А вот бегающих ночью по коридору детишек почему-то стремались. Хотя те тоже никого не трогали, бегали себе, хохотали. В полной темноте. За спиной. Но я лично никого из них не видела и не слышала. Хотя люди вроде адекватные про них рассказывали. Или просто я очень доверчивая была.

– А с тобой лично что-нибудь там случилось?

– Да ничего такого... Ну, разве что в книжном хранилище. Да это со всеми, кто там работал, случилось.

– Что случилось?

– Вот представь: книги, много-много томов, хранятся в огромных помещениях, часть которых расположена в подвале. Целые этажи, где довольно холодно и сухо, потому что это полезно для бумаги. Мы все поэтому были вечно сопли-

вые, хотя и ходили в теплых кофтах под синими рабочими халатами. По крайней мере я.

В хранилище вел лифт, такой особенный, чтобы в него вмещалась тележка с книгами. Металлический короб, двери сетчатые, еще с таким грохотом закрывались. И огромные кнопки красные – «пуск». Нажимаешь на этаж, на пуск, и грохочешь вниз. Постепенно смолкает гомон твоих коллег, которые в тепле и на свету принимают книжки, гоняют чай и сплетничают. А дальше наступает тишина. Только в самом лифте тоненько гудит люминесцентная лампа, противно так.

Лифт с грохотом останавливается, тебя потряхивает. Ты открываешь дверь, толкаешь вперед тележку и сразу нащупываешь выключатель. Такой винт, который надо повернуть, чтобы зажегся свет перед лифтом и немного дальше. На всем этаже по правилам свет погашен. И ты должен за собой всегда свет гасить. Если на этаже светло, значит, тебе повезло – кто-то тоже здесь с книгами возится. Но, может, забыл вырубить электричество, торопился очень сбежать.

– Чего это сбежать?

– Погоди. Слушай. Так вот, чтобы проверить, есть ли кто, надо громко крикнуть. Ну, поздороваться, чтобы человек откликнулся. Помещение огромное, потому могли тебя и не расслышать. Но бывало, что кто-то сидит на этаже между стеллажами, за маленьким столиком, и ярлычки, например, на книги наклеивает. Ему много света не нужно, только лампа. Так вот тогда тоже свет не включали без надобности. Но

обычно, когда выходишь на этаж, то все равно отблеск лампы видишь и сразу здороваешься, чтобы не напугать.

И вот ты свой долг у лифта выполнил, то есть крикнул, если свет включен, и пошел по делам. Толкаешь тележку, она, зараза, тяжеленная. Еще по дороге и свет включаешь, если нужно.

Библиотекари в хранении все очень сильные, мускулистые, хотя по ним не скажешь. Думаешь: «Фу, хлюпики собрались». Ан нет. Тележки груженные – это что – тьфу! Есть же еще стеллажи!

Представь себе длинный металлический стеллаж на рельсах, полностью забитый книгами. Он, наверное, тонну весит. И чтобы его отодвинуть, надо повернуть с силой такое огромное колесо типа руля. Отодвинул один стеллаж, застопорил, чтобы не отъехал обратно. Потом другой то же самое, потом следующий, пока не дойдешь до стеллажа с нужным шифром. Идешь расставлять на правильное место книги. Если не туда поставишь – считай, книга пропала. Если не навсегда, то на многие годы. Коллекция-то миллионная.

И тут необходимо быть очень внимательным. Потому что могут случиться две очень большие неприятности. Во-первых, может погаснуть свет. Это неприятно, но не так страшно. Наверняка какой-нибудь твой коллега тоже книги расставлял, тебя не заметил и за собой свет погасил. Тут надо орать погромче, чтобы включили обратно. Иначе придется в полной темноте пробираться и включать свет самому.

А это травмоопасно. Можешь задеть книги, они тяжелые и твердые, это больно. Можешь споткнуться и упасть. Но еще опаснее, когда на тебя внезапно начинают наезжать стеллажи. Тут надо ухо остро держать. Как только услышишь, что поехали, сразу выскакиваешь в коридор. Если не успеваешь, то приходится упираться руками и коленями, чтобы тебя не задавило. У меня вечно синяки из-за этого были.

– Так часто стеллажи ездили?

– Не часто. Но частенько.

– А почему?

– Наверное, недостаточно хорошо стопорила. Или просто со мной случалось то, о чем сразу неофициально говорили новеньким сотрудникам.

– Что именно?

– Что, когда ты один, стеллажи могут поехать сами по себе, как бы старательно ты их ни закреплял. И еще могло случиться, что две эти неприятности происходили одновременно: стеллажи и свет. Вот стою я, к примеру, в полном одиночестве, расставляю книжки. И вдруг слышу, что в самом начале длинной комнаты раздается металлический лязг – это начал движение по рельсам стеллаж, наверное, самый крайний. Потом – бум! Это он ударился о другой стеллаж, и по принципу домино они один за другим вместе начали тяжело катиться по рельсам в твою сторону, как полные книг вагоны. И ты книги-то не бросаешь, прижимаешь к груди и бежишь к выходу из пространства между стеллажами, считая

про себя все эти «Бум! Бум! Бум!», которые все ближе и ближе. Каждый бум – это стеллаж. Сколько до тебя осталось и сколько у тебя есть времени.

И в этот самый момент гаснет свет.

Просто гаснет, и все. Выключается с характерным щелчком. Поскольку на выключателе необходимо сделать поворот, то самопроизвольного выключения случиться никак не может. Значит, это сделал кто-то из своих. В книгохранение так просто чужих не пускают.

Я начинаю истошно вопить, что я здесь, меня стеллажами сейчас расплющит, но вокруг по-прежнему только темнота и мерные, слаженные *бум, бум, бум, бум...*

В последний момент выскакиваешь, вся мокрая, как мышь под метлой, мчишь к выключателю, поворачиваешь его и выскакиваешь из комнаты в общий зал возмущенно, чтобы надавать по шее негодяю, тебя бросившему на произвол судьбы.

Только на этаже по-прежнему никого нет, кроме тебя. Лифт не едет, иначе был бы слышен лязг и грохот. Свет горит там, где я его включила.

Возвращаюсь в комнату, а стеллажи уже остановились. Меня бы не расплющило, но слегка прижало бы, конечно. Но почему-то так удачно их движение замедлилось как раз у того стеллажа, на котором я расставляла книги.

Самое интересное, что рельсы, разумеется, расположены не под уклоном. Стеллажи сами по себе кататься не могут,

их надо подтолкнуть, да посильнее. Однако такое вот случилось. И со мной, и с другими.

– И что это было? Как это объясняли?

Мама только пожимала плечами:

– Никак не объясняли. Просто все знали, что так бывает. Предупреждали новичков. Особо трусливые ходили парами. Да и веселей так, что уж говорить. Шутили постоянно, даже песни орали. Один книги подбирает или, наоборот, расставляет, а другой стоит на стреме, у выключателя, следит, чтобы стеллажи не поехали. Ну и переговариваются между собой. Я тоже никогда не отказывалась кого-нибудь подстраховать.

Особо одаренные даже ухитрялись на широких подоконниках книгохранения отсыпаться в полной темноте после ночных гулянок. Уйдет такой якобы за книгами, и нет его до обеда. Дрыхнет. И попробуй найди! Телефонов тогда сотовых особо не было, да и связь все равно фиговая была бы – подвал же. А еще наткнешься на такого, вот уж точно вусмерть напугаешься, никаких призраков не нужно!

Я вполне допускала, что в каких-нибудь библиотеках или других старинных помещениях может твориться всякая паранормальщина. В конце концов, там никто не живет. Испугался – и убежал к себе домой. Дома-то все знакомо, ничто не угрожает. Мама с папой спасут. Из дома вообще можно не выходить.

А если что-то произойдет в твоей собственной, родной, до боли знакомой квартире, где ты с закрытыми глазами мо-

жешь передвигаться, – тогда куда бежать? Кого просить о помощи?

У меня одна одноклассница жила в коммунальной квартире. Так ей пришлось пойти на курсы по самообороне, потому что соседи были не совсем адекватные. Я еще думала, как это ужасно – не чувствовать себя в безопасности даже в собственной комнате.

А у меня и комнаты-то не было своей.

– Хватит! – сказала я вслух, чтобы заглушить неприятные мысли, и оглянулась, не услышал ли кто. Стыдно разговаривать самой с собой вслух, как психопатка.

* * *

Игрушечник

Он совершенно ни о чем не думал, когда работал. Руки сами находили и нужный материал, и нужную форму. Иногда ему казалось, что сам он – только механизм, обеспечивающий рукам движение. Придаток.

Никто и не догадался бы, глядя на него, чем он занимается. Он никому никогда не рассказывал. Однако люди каким-то образом прознавали, находили, приходили к нему. Чтобы забрать то, что он сделал.

Даже его женщины не знали. Как-то не обращали внимания, хотя он и не скрывал ничего. Просто под собственным носом ничего не видели. А если вдруг возникал вопрос,

неожиданно, чаще всего с негативным оттенком, с пренебрежением: «Ты?!» – он просто щелкал перед ними пальцами. Перед тем самым хорошеньким носиком, который раньше ничего не замечал. И они забывали. Так просто. И после этого уходили. Иногда было жаль.

Он пробовал на себе, перед зеркалом. Смотрел, смотрел, щелкал до боли в пальцах. Никакого эффекта.

Он где-то читал, что щелчок происходит из-за удара пальца о ладонь. Фигня. Он клал на ладонь тряпицу, а щелчок все равно был.

Никогда не повторялся. Не потому, что не хотел, а потому, что не контролировал процесс.

Все они были странные. «Чердачные», как сказала одна его женщина. Еще сказала, что ей не нравится.

– Уродство какое-то!

Он тогда щелкнул пальцами. Как обычно.

А потом на улице подошла девушка. Он думал – автограф взять. А она его даже не узнала.

Такие люди его никогда не узнавали. Думали, может, просто похож. Двойник. Два разных человека. Не может же он – он! – заниматься таким странным делом.

– Это ведь вы делаете игрушки?

Он никогда их так не называл. Защитники – вот правильное слово. Так он думал. Он делал защитников. Ну, как... Они рождались его руками.

И ни разу не предназначались для него самого.

Создавал, повинуюсь импульсу. Почти не глядя доставал нужные кусочки, обрезки ткани. Резал и сшивал без выкройки.

Он думал, что они будут защищать.

Но он не знал точно.

Ему хотелось бы так думать.

Красивая девушка. Он ее через некоторое время напрочь забудет. Как и всех остальных.

Он мог узнать только свои игрушки. А лица тех, кто уносил их с собой, стирались из памяти.

Поэтому он считал, что никогда больше не встречал тех людей, к кому ушли его игрушки. Не слышал о них. Или не хотел слышать.

Он даже не представлял, откуда узнают о его особенности. Как его находят. Кто подсказывает им, что надо прийти и попросить у него игрушку.

Он не знал, с хорошими они приходили к нему намерениями или нет. Или нет.

Это «или нет» периодически тревожило его.

Игрушки справлялись со своей ролью.

Взятые для защиты действительно защищали.

Но были и другие...

Он совершенно точно знал. Те, которых забирали с совершенно противоположными целями.

И он никогда не знал, кто у него рождается на этот раз. Не мог предугадать. Не мог отказать.

Они были одинаково сильны и хороши. Одинаково.
А он был всего лишь инструментом.

Глава 8

– Что тебе скажу, Настя! – Люля загадочно и торжественно улыбалась. – На меня вышли *особенные, знающие* люди. Понимаешь? Я не могу рассказать тебе детали, да и не нужно. Главное, что они решили передать мне *особую* книгу, потому что почувствовали во мне силу.

– Как в Йоде? – не сдержалась я. Как раз недавно наткнулась на комикс по «Звездным войнам».

Но тетя юмора не оценила.

– Какой еще йод? Ерунду не городи. Эта книга не всякому дается. Знания там содержатся мощные, не для непосвященных. Но, представляешь, я оказалась в числе избранных! Тебе, конечно, не понять. Но я изучила всего Папюса и Элифаса Леви.

Я с трудом удержалась, чтобы не сострить в рифму: «Папюс – Мамюс». Люля, похоже, поняла это по моему лицу и потому снисходительно пояснила:

– Это знаменитые оккультисты. Ой, да ты и этого не знаешь! Понимаешь, в мире существуют скрытые силы, которые современной науке недоступны. Отрицать всегда легче, чем объяснять. Легче все свести к условным рефлексам, инстинктам. Есть чисто практическая магия или деревенская, приближенная к человеческим повседневным запросам. Но некоторые знания доступны только особым людям, избранным, посвященным.

– И ты, значит, избранная?

Мне не очень понравилось, что мой вопрос прозвучал будто с ноткой ревности. Или зависти.

– Это, Настя, не самим человеком выбирается. Уж извини. Дается свыше, необъяснимыми силами. Людям с врожденными особыми способностями.

– А почему ты раньше об этом не знала?

У тети Юли и на это был готов ответ:

– Всеу свое время, Настя, всеу свое время. Я чувствовала, но просто не обращала внимания. Были звоночки, ко-

торые я старалась игнорировать, хотя всегда знала...

– Какие звоночки? – Мне правда было интересно.

Мы же долго жили в одной комнате. Люля постоянно что-то рассказывала о себе. Но ничего сверхъестественного в мамином и Люлином детстве, по их рассказам, я не припоминала.

Но Люля почему-то решила напустить еще больше таинственности. Или считала меня недостойной таких подробностей. Вместо четкого и ясного ответа она лишь загадочно прищурилась:

– Всему свое время, помнишь? Если ты избрана, то ты сама все поймешь.

Ну что ж... Я самая обычная. Потому что так ничего и не поняла.

– Когда поймешь, что человек – это физическая система, запрограммированная с определенным числом степеней свободы, для выполнения заданных функций планетарного и космического масштаба, – на одном дыхании выпалила явно заученную фразу тетя Юля.

Сама она такое придумать не смогла бы. Ну, я бы точно не смогла. Я даже не сообразила, как правильно на это отреагировать. Только пролепетала:

– Круто...

– Я убедилась, что мне знания передавались на астральном уровне! Я почти была права! Когда я вызывала деда, то работала интуиция. Но теперь я убедилась, что это было зна-

ние свыше!

Мне стало немного обидно, что она талдычит только о себе. Вызывали-то мы вместе. Но Люля всегда в случае успеха спешила предъявить на него права. Так что я промолчала.

Тетка продолжала хвастаться:

– Таких книг осталось очень мало. После революции знающим людям приходилось скрываться, чтобы не подвергаться преследованиям властей. В доме эту книгу держать нельзя, она приносит зло. Это известно испокон веков. Ее нужно прочитать и как можно быстрее от нее избавиться. Поэтому часто эти книги уничтожали, причем не сами знающие, а их родственники, из страха. Представляешь, насколько ценные те экземпляры, которые дошли до нашего времени? И одна из таких книг теперь у меня!

– Но если эта книга приносит зло, почему ты до сих пор от нее не избавилась?

– Всему свое время, всему свое время, – опять повторила Люля, загадочно прищурившись.

– А где эти самые особые люди на тебя вышли? Где ты их встретила?

Лицо у тетки странно дернулось, словно она разозлилась, но хотела это скрыть.

– Тебе-то что?

– Это что, тайна? – удивилась я.

– Сюда приходили, разумеется. Уж извини, тебя не застали и ждать не стали.

Мне снова не понравился ни тон, ни выражение тетиного лица. Но я почему-то посчитала, что сама виновата, и перевела разговор:

– Так что за книга-то?

– По черной магии!

Тетя Юля замолчала, многозначительно глядя на меня.

– А разве такие бывают? Это ж придумка из ужастиков.

– Сама ты придумка! – вспылила разочарованная моим недоверием тетка. – С тобой бесполезно делиться. Ты безнадежна!

И она замолчала, игнорируя любые мои попытки помириться и извиниться.

Потом, словно вспомнив, приказным тоном велела мне прекратить открывать дверь в ее комнату. Но тут уж Люля сама поняла, что я ни при чем, настолько велико было мое удивление. Ну, или сделала вид, что поняла.

Оказывается, вот уже который день обычно плотно закрытая дверь в бывшую детскую сама собой приоткрывается. И тетю Юлю это страшно бесит, потому что приходится вставать и закрывать эту дверь, поскольку в коридоре никого не оказывается. Разумеется, она решила, что это мои шутки – толкнуть дверь и убежать.

Надо сказать, что дверь в детскую, в отличие, к примеру, от входной, – массивная, толстая, из настоящего дерева, и закрывается очень плотно. Чтобы приоткрыть ее, надо приложить некоторое усилие. В раннем детстве мне приходилось

для этого наваливаться на нее всем телом или дергать изо всех сил за ручку. Сама собой от сквозняка открываться-закрывается дверь никак не может.

Но то ли ослабли дверные петли, то ли еще что, но никто из нас точно не был виноват.

Когда-то, может быть сто лет назад, у этой двери имелся замок, запирающийся на ключ. Но с тех пор его замазали краской так, что он едва угадывался. Мама рассказывала, что они с Люлей в детстве пытались эту замочную скважину слегка проковырять, чтобы можно было через нее смотреть, но сумели только поковырять немного краску, за что им влетело от родителей.

В общем, Люля демонстративно выхватила какой-то конверт из своего бумажного барахла, несколько раз сложила его и подпихнула под дверь, надежно зафиксировав ее.

Разговор был окончен, я вышла из комнаты, немного расстроенная тетиным поведением. Что-то она совсем вредная стала.

Мама с бабушкой обсуждали непонятное поведение слива в ванне. Мама, активно орудуя вантузом, продемонстрировала мне, как хлюпает плохо проходящая, мерзкого вида, будто землянистая, вода.

– Что, Настя что-то в ванне утопила?

Конечно, моя тетя не могла остаться в стороне. Разобравшись с дверью, она, очевидно, не успокоилась.

– Да почему сразу я-то? – возмутилась я.

– Откуда мне знать? Что там? Какой-нибудь кусок ваты?

– Какой еще ваты?

Тут под вантузом что-то всхлипнуло, и вместе с бурой водой из слива наполовину высунулась какая-то субстанция, больше всего похожая на черную медузу. Или на гриб шиитаке.

– Ну, это точно не вата, – удовлетворенно констатировала я, хотя никто, кроме тетки, меня и не обвинял. Но никто и не защищал.

Отвратительная, склизкая, студенистая масса будто оцепала край слива и попыталась соскользнуть обратно.

– Фу-у-у! – хором протянули мы.

– Слизень какой-то...

– Слизень из канализации.

– Звучит как название трешевого ужастика! – Тетя Юля брезгливо разглядывала причину засора. – Теперь он нас всех сожрет. Но можно подкармливать его чьими-нибудь трупами, чтобы он нас пощадил. Например, мышинными.

– Откуда нам их взять? – задумалась я на полном серьезе.

Но мама меня перебила.

– Раз ты у нас такая веселая, – сказала она Люле, – твоя очередь бороться с засором! Это наверняка твои травы для ванн слизней подкармливают.

– Да пожалуйста! Но только вечером. Сейчас я должна уйти, как раз собиралась.

Люля беспечно хихикнула и скрылась в своей комнате.

Мама с бабушкой обреченно переглянулись.

С небывалой быстротой тетя Юля появилась в коридоре, уже готовая к выходу. Проходя мимо нас, все еще толпившихся в ванной и глазевших на странную субстанцию, Люля не смогла удержаться, чтобы не перенести ответственность с себя на кого-то другого:

– Кстати, Настя тоже у нас любительница в ванне поотмокать. Кто знает, чем она там пользуется.

– Люля! – возмущенно вскричала я.

– Я никого не обвиняю, но должна же быть справедливость, – насмешливо отрезала вредная родственница, натягивая сапоги. – Пока-пока, до вечера!

И она улизнула из дома.

А мама пошла советоваться с интернетом по поводу уничтожения плесени в водопроводе и уламывать папу прочищать засор в ванной. Папа обычно не отказывался помочь, но между обещанием и реальным делом порой проходили месяцы.

Глава 9

Первым делом сдурели все электронные часы: на микроволновке, на музыкальной системе, на холодильнике. Они показывали что попало либо просто мигали нолями. В мои обязанности входило выставлять правильное время, и приходилось этим заниматься иногда по несколько раз за день.

– Опять электричество вырубали. Проводка прохудилась,

что ли, – сетовала бабушка.

– А батарейки какое имеют к этому отношение? – злилась мама, потому что будильник на батарейках тоже приказал долго жить.

– Совпадение! – парировала бабушка.

Совпадение там, совпадение сям. Так легко все объяснялось.

Стационарный телефон тоже зажил собственной жизнью. Когда ему было надо, он внезапно испускал пронзительный писк, искажая выбранную мелодию для звонка, и верещал до тех пор, пока его не перезагружали. Хуже всего, если это случалось ночью. Зато когда нам действительно кто-то звонил по городскому, он мог молчать, как партизан на допросе. И ладно бы звонили спамеры с идиотскими предложениями разных бесполезных услуг, нет, телефон упрямо замалчивал нужные звонки. Дисплей то и дело сбрасывал дату и время, а неотвеченные вызовы шифровал непонятными закорючками. Мама отнесла телефон в мастерскую и вернулась совершенно обескураженная: телефонный аппарат был исправен, так что дело было не в нем. Но дома работать он упорно отказывался.

В итоге взбешенный папа вытащил с антресолей старинный проводной, дисковый телефонный аппаратиче – черный, громоздкий, эбонитовый (сказал папа), еще времен бабушкиной молодости. На диске вместе с цифрами были указаны и буквы, и бабушка радостно вспомнила первый теле-

фонный номер нашей квартиры: К7-57-35.

Вот этот-то антикварный телефон и установил папа, за-
явив, что это самая надежная техника. Как ни странно, ап-
парат действительно исправно начал работать, будто и не по-
кидал никогда своего места в прихожей рядом с сундуком.

Мы всей семьей собрались у этого замечательного при-
бора, как перед новой игрушкой. Бабушка шутила, что я,
наверное, даже не знаю, как пользоваться телефоном «с
колесиком». Конечно, было непривычно, необычно и даже
неожиданно трудновато крутить диск. Это вам не кнопки на-
жимать или пальцем по экрану водить!

Мама рассказала, что в детстве садилась в уголок на сун-
дук под висящие на вешалке пальто, набирала службу точ-
ного времени и слушала записанный голос, пытаясь уловить
в нем зашифрованные сигналы.

– Замечательная вещь эта служба точного времени. Если
хочешь изобразить телефонный разговор, для правдоподо-
бия набираешь «100» и делаешь вид, что разговариваешь с
человеком. Я так все время Люлю разыгрывала.

Я немедленно сняла тяжелую трубку (такой убить можно!)
и набрала «100». Тугой диск крутился с приятными щелч-
ками. Мы с мамой обе были поражены, когда электронный
голос продиктовал точное время! Можно подумать, будто
служба точного времени отвечала исключительно на звонки
старинных телефонов.

Почему мы раньше не пользовались этим чудесным аппа-

ратом «с колесиком»?

Поскольку папа так и не нашел времени для разборок с плесневелым обитателем ванной, мама решила разобраться с проблемой сама, при моей горячей поддержке. Она засыпала в слив соду, а потом добавила уксус. Шипящая пена в зелено-бурых ошметках плесени поперла наружу.

– Сработает или нет, но красиво, – оптимистично резюмировала мама.

Мы с интересом склонились над ванной. Подошла тетя Юля и картинно привалилась плечом к двери в ванную. Сложив руки на груди, она некоторое время издали наблюдала за нами, а потом выдала:

– Вы читали, что один китаец нюхал свои носки? Привычка такая дурная. В итоге грибок с ног проник к нему в легкие и разросся там. А когда через десять лет это обнаружили случайно, то спасти человека уже было невозможно. Умер.

– Ты что, не могла рассказать что-то более жизнеутверждающее?

– Ну, ты моя сестра. Я о тебе беспокоюсь. А ты даже резиновые перчатки не надеда.

Люля пожала плечами и ушла. Мы с мамой переглянулись.

– Я туда перекись водорода заливала. Аж дымок шел. Как думаешь, много можно спор этой плесени за один раз вдохнуть?

Мне стало страшно. Плесень, разрастающаяся в маминых

легких... О таком ужасе лучше не думать.

Мама решительно выпрямилась, очевидно, тоже не желая запугивать ни себя, ни меня:

– Ладно, что было, то было. Давай кислоту в следующий раз нальем. Купим одноразовые маски.

– Купите маски поросенка. Будет миленько! – Это с кухни опять влезла Люля.

Но с ванной точно было что-то не то. Взять хотя бы пропажу моего кольца. У меня есть колечко, китайское, серебряное, которое я все время ношу. Ну, практически все время. Оно тоненькое, изящное, плетеное, как косичка. Никто из нашей семьи на него не покушается, потому что размер маленький и никому, кроме меня, это кольцо не налезает. Тетя Юля мерила, ей мало². *«На тонкие куриные лапки»*, – сказала она. Чему я очень рада.

Обычно, когда мою руки в ванной, то кладу колечко на нижнюю полку подвешного шкафчика. Он вечно забит всякими баночками с кремами, мылом ручного изготовления (которое так вкусно пахнет и так прекрасно выглядит, что никогда не будет использовано по назначению, – у кого же поднимется рука смылить миленькую собачку или бутерброд с черной икрой), скляночками с солью для ванн и вообще всякой всячиной, которая выводит папу из себя. Но место для колечка всегда можно найти.

И вот, вернувшись из школы и зайдя в ванную комнату помыть руки, я машинально положила кольцо на полку, так

же не задумываясь, чуть отодвинула от края.

Вымылась, поворачиваюсь и протягиваю руку – кольца нет. Это было настолько странно, что я не меньше минуты просто стояла и тупо пялилась на пустое место на полке.

Никто, кроме меня, в ванную не заходил. Кольцо лежало надежно, не с краю.

Я перешерстила всю полку, распахав баночки, мыло и бутылочки. Потом опустилась на колени и стала ползать, исследуя пол. Я даже под ванну залезала, подсвечивая себе телефоном, чего, кажется, никто до меня не делал много лет, то есть не залезал под ванну. Не особо там грязно было, так, пыльновато, но ничего интересного.

Кольцо как в воду кануло.

Может, я положила его в карман? Нет, не положила. Или с перчатками сняла в прихожей, не заметила?

Мама, застав меня перетряхивающей обувь, молча принесла веник, а сама, выслушав мою историю, пошла проверять подвесной шкафчик в ванной.

Потом мы по очереди прошлись по всем углам, под ванной и даже в коридоре перед ванной. Светили папиным туристским фонарем.

Мама, которая второй раз подряд потерпела поражение в поиске из-под носа исчезнувших вещей, была обескуражена. Обычно не бывало такого, чтобы она не могла найти наши бесследно исчезнувшие ручки, рубашки.

Но в данном случае особая мамская магия не сработала.

– Может, мне поковырять между плитками? По шву? – отчаянно предложила я, но вскрывать пол из-за колечка мама строго-настрого запретила.

Теперь всякий раз, когда я по привычке хваталась за палец, чтобы покрутить колечко, меня охватывала грусть.

Глава 10

Мы с мамой пили чай на кухне.

– Настька, иди, что тебе покажу! – высунулась из своей комнаты Люля.

Мама подняла брови в молчаливой усмешке, как делала всегда, когда считала, что младшая сестра ведет себя совсем уж ребячески.

Заинтригованная, я вошла в бывшую детскую.

Тетя Юля походя выдернула из клубка шерстяных ниток длинную пластмассовую вязальную спицу. Эти спицы валялись у нее на полке с прошлогоднего ее увлечения вязанием, которое прошло так же быстро, как и все остальные. Теперь она держала спицу, как шпагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.